

(Начало в № 143—144)

«Мы полны соловьиного свиста. И туманную книгу любви, и страницы смертельного смысла прописали, как губы свои... Знаю, день не сулит утешения. Глубоко оставляют следы эти ласки на грани смешения человека, огня и воды».

— Ну, какая любовь? — говорит мой 20-летний собеседник, — неужели вы не видите, что это только привычка! Только привычка жить друг с другом!

— Да, пусть привычка! — отвечаю я. — Но привычка-то жить в любви, а не во вражде и ненависти. Это же как счастливый выигрыш.

У нас как-то принято отмахиваться от слов о любви, как от пошлости. «Какая любовь? Нет никакой любви!» — можно услышать от людей самого разного возраста. Меня просто поражает такая неблагодарность и расточительность. Ведь если внимательно присмотреться, то можно с первого раза и на-

соры из-за нас же, детей, называла ее колдуньей. В общественной атмосфере чувствовалось непримиримое к таким способностям осуждение, и мама ничему целебному нас не научила, а унесла весь свой дивный опыт с собой в землю. Да, если редактировать природу, то и женщина может стать простой, как треугольник. Во всяком случае, спохватившись, я обнаружила, что бородавки-то может сводить у своих ребятишек каждая любящая мать.

А уж в науке страсти нежной, в науке нежного страдания, то есть целебных свойств женщины, ее взгляда, слова, прикосновения и переосенить невозможно. Но в нашей сумасшедшей технократической круговерти эти свойства остаются невостребованными. Вместо того, чтобы сказать своей любимой: «Погладь меня, полечи, я что-то устал», наши мужчины порой всякое нежное движение женщины к себе рассматривают как чувственную распушенность. Вместо того, чтобы принять целительную природную энер-

го заметно раздражает женское жизнелюбие, женская биологическая причудливость, некоторая технократическая неприкаянность.

Мужчины, как бы ревнуя, не терпят женского смеха, не верят их вещам снам и пророчествам, не принимают целительного жеста.

— Чему ты радуешься, я не пойму!
Или: да не суешься ты! Или: когда ты иссякнешь?

Такие мужчины, наверное, фатально ждут, когда же иссякнут родники и реки и сама жизнь, а может быть, в «темной гордыне» и способствуют этому, способствуют и тому, чтобы женщина превратилась в простой треугольник. Но не все же этого хотят, конечно, не все. Один мой знакомый физик сказал: «Если говорить честно, то женщины остались для нас непознанной цивилизацией. Трудно ее познать, а главное, неохота!»

Да, охота познать сверхпроводимость, гравитацию, термояд, а то, что рядом феноменальный, и солнечный, и лунный источник

утверждают: чего хочет женщина, того хочет бог, подразумевая под богом саму планету. А для нас, российских женщин, это обвинение страшнее обвинения в идеологической незрелости. И мы по извечной преданности мужчинам бросаемся быть их аскетическими товарищами, оруженосцами, своими парнями, кранами и крановщицами, ставлерами и шахтерами, самбистами и активистами: а, куда прикажут, хоть — на Луну! Только не быть тем, к чему нас призвала природа и на что возложила немалые надежды: женщине отпущено рождение и исцеление жизни во всех ее проявлениях. А исцеление — это значит: видеть могущественного мужчину и поверженным, видеть его страдания, разделить их, не бросить его в беде. Ведь мужчины все это прекрасно знают, я удивляюсь, почему они не встают перед женщиной! Видимо, отключают воображение, не хотят видеть в чужой женщине чьей-то спасительницы, сестры милосердия, сиделки, кормилицы при мужчине, которая, может быть, и тебя еще исцелит. Ведь недаром говорится: от сумы да от тюрьмы, да от жены не отказывайся. Нет, сидят мужчины перед стоящей женщиной, как оккупанты какие-нибудь.

Если мы уж все без исключения согласились, что любовь это привычка, привычка человека жить в любви, а не в ненависти, то надо и культивировать эту привычку, ведь без постоянной опеки атмосфера любви может исчезнуть и останется одно равнодушие, а то и вражда, и ненависть.

Среди многочисленных бесед на эту тему запомнилась одна в Алма-Ате. Там молодой казах-философ сказал: «Я вижу, что в моей жене скрыто развивается какая-то идея. Я должен помочь ей развиться».

Вот о таком братском, отцовском, доверительном внимании к женской судьбе мы все мечтаем, глядя с надеждой и любовью на наших мужчин.

(Продолжение следует).

Римма ДЫШАЛЕНКОВА

«Наука страсти нежной»

ЧАСТЬ ВТОРАЯ: МУЖЧИНЫ И ЖЕНЩИНЫ

всегда увидеть, что человек, как рыба в воде, живет в среде обитания, имя которой — любовь. Попробуйте сказать человеку: я не люблю тебя! Скажите это своему другу или сотруднику, начальнику цеха, соседу по квартире! И разве повернется язык сказать своему ребенку: я не люблю тебя! Оказывается, человек просто не переносит этих слов: хиреет, чахнет, задыхается, как будто в мире сильно убавилось кислорода и воды.

Человек привык жить в любви, поэтому он и не удивляется словам: я люблю тебя! А как же иначе? Естественно! Я же такой хороший — хорошая! Я просто создан для любви. Меня не только ты любишь, меня все любят. Это же так естественно. Да, естественно. Любовь дарована нам планетой, как дарованы море и лес, но только мы не выдерживаем правил жизни в любви, не знаем и не узнаем ее обширных возможностей исцеления, а только капризничаем да обижаем друг друга, привыкли: как к морю и лесу, ничего не зная о море и лесе; ничего не зная о любви.

А ведь заповеди любви не тяжки. Если вы хотите представить себе коммунизм, представьте себе двух влюбленных. Коротко это мгновение, но оно могло бы продлиться, если в центр заботы мы поставили задачу сохранения любви.

Мне у могилы не просить участия. Чего мне ждать? Летит за годом год. Отец! — кричу.

Ты не принес нам счастья. Мать в ужасе мне закрывает рот.

Мужчина и женщина. По замыслу природы мы не только не одинаковы, но прямо противоположны друг другу, и только соединившись в диалектическую пару, представляем универсальное существо, способное более-менее неуязвимо существовать на нашей загадочной планете.

В чем же наша противоположность?

Самый крайний жест мужчины, можно сказать, экстремальный: мужчина, защищая свое гнездо, может убить. Больше того, среди своих многочисленных забот он не забывает, а культивирует, тренирует в себе эту грозную обязанность. Крайний жест женщины — рождение, одарение жизнью. В связи с этим ей дана великая сила исцеления, когда она может выдыхать, вытаскивать из смертельной болезни, выводить своего любимого, да и бесконечно стойко бороться с физическими и нравственными недугами. Как бы ни был могуч мужчина (а выше мужчин — только звезды), но и он рушится под натиском космоса, и рушится он на руки женщины. Оказывается, все, что делает женщина, может быть целебным: взгляд, слово, прикосновение.

Увлеченные прогрессивной механической медициной 20-го века, мы надолго оторвали себя от вековой биологической медицины, а ведь она может выступать как профилактическое средство и остановить заболевание задолго до хирургического вмешательства или массивной атаки таблетками. Мне этот опыт целебного жеста женщины помог в себе открыть опять же мой сын: «Погладь мне голову, у меня от твоих рук головная боль проходит!» И тут я вспомнила, что ведь наша-то мама очень многое исцеляла руками, у нее это было в привычке, осталось как необходимость от старых времен: она заговаривала зубы, останавливала кровотечения, поправляла надорванный живот отцу, сама лечила ушибы, вывихи, я уж не говорю о том, что, конечно, знала травы, и мы вообще не ходили к врачу. Соседка в дурную минуту

гию от женщины, как от донора, мы будем с удивлением читать статью о том, как полезно гладить по шерстке кошек и собак. Полезно, конечно, полезно, но еще полезнее погладить любимого, родного человека, который тоже обладает колоссальной целительной энергией.

По социальной борцовской своей природе мужчина в обществе, то есть на работе, в конфликтах, службе, теряет очень много жизненной энергии, и если он в усталом раздражении еще и отведет от себя руки любимой женщины, то его очень скоро ждет просто опустошение. Но ведь и женские руки, если не знать, не беречь их природный дар, если они будут сортировать огнеупорный кирпич, гнуть железо, потеряют свое волшебное свойство. Целебен любовный жест, целебно и слово о любви.

Но послушаем мужчину-поэта. В этой статье я цитирую стихи только Юрия Кузнецова, нашего современника, автора «Атомной сказки».

Я в жизни только раз сказал люблю, словив гордыню темную свою. Молчи, молчи... я повторяю снова одной тебе неведомое слово. Люблю, люблю! Моя душа так рада на этом свете снова видеть свет. Ей так легко, ей ничего не надо, ей все равно... ты любишь или нет.

К сожалению, слово о любви в нашей официальной эстетике стоит где-то уже на последнем месте. Посмотрите любую рецензию на отдельное произведение или очерк о жизненном пути художника, и вам явится заключительная фраза: «И даже в любовной лирике поэт верен себе...» или «И даже любовные коллизии, не лишены мелодраматизма...» и так далее. То есть тема любви отодвинута на место декоративного фона, хотя в принципе-то во веки веков любовь являлась главным двигателем творчества, единственным воспламенителем сочувствия, сопереживания, милосердия, самопожертвования, единственной биосферой выживания и самого произведения.

Ты женщина — а это ветер вольности, расклеванный в печали и любви. Одной рукой он гладил твои волосы, другой топил на море корабли.

Мужчины могущественны. Я никогда не поверю в их слабость, сколько бы ни писали о феминизации общества, сколько бы ни роптали даже сами женщины. Современный мужчина мне представляется очень похожим на плоды рук своих и ума. Прямо похож на стратегический бомбардировщик и на авиалайнер, на электровоз и дизель-электроход, на трактор фирмы ЧТЗ или какой-нибудь чудовищный БелАЗ. Так он формально воплотил свою духовную и физическую силу. Другое дело, что каждый мужчина в отдельности, отдав большую часть себя на создание этих машин и скоростей, уже как бы бессилен и загипнотизирован своими стратегическими творениями, и скучно ему с нами, с детьми и женщинами, манит его к себе еще одно мужское сверхусилие, и так может быть даже и до самоубийства, и до гибели планеты.

Он подошел со сжатыми губами, замкнул ее в холодное кольцо. Но поцелуй и неземное пламя расплавили железное лицо. Его гордыня обернулась бездной. Ослепший, он не знал, куда ступить. Но тень осталась на груди железной от той, которой выпало любить.

Так вот, этих могущественных мужчин как-

жизни, легче всего обозначить по-мужски цинично: это все женский эротический промысел. Обвинение в эротическом промысле на Востоке, может быть, и не поняли бы, потому что там этот промысел освящен религией, не поняли бы и французы, которые

